

БѢГЛЫЯ ЗАМѢТКИ.

Изъ всѣхъ отдѣловъ выставки, открытой сегодня, для меня самымъ интереснымъ является отдѣлъ кустарныхъ производствъ, и меня прежде всего тянетъ къ нему, потому что именно въ этомъ отдѣлѣ—кстати сказать, болѣе другихъ готовомъ принять гостей—показывается доподлинная, оригинальная Россія, самобытно творящая, и почти свободная отъ всякихъ вліяній чужой мысли. И вотъ, желая посмотреть ее свободной отъ подражаній кому-либо и чему-либо, я пошелъ въ отдѣлъ и сразу почему-то наткнулся на піанино вятича Коркина. Это піанино, боюсь, будетъ на ампула „гвоздя“ отдѣла. Коркинъ работалъ надъ нимъ пять лѣтъ не принимая во вниманіе Беккеровъ и Шредеровъ, выпускающихъ по пяти такихъ махинъ въ недѣлю. Но и въ пять лѣтъ Коркинъ не додѣлалъ піанино—это замѣчательно самобытно! Онъ цѣнитъ его въ триста рублей, значитъ оцѣнивалъ мѣсяць своей работы въ пять рублей, день въ $16\frac{2}{3}$ к.—это тоже самобытно, если принять во вниманіе, что рабочіе Шредера, Беккера и иныхъ получаютъ отъ 1 р. въ день до 5 р. и выше. Нужно быть особенно ярлымъ націоналистомъ, чтобы купить эту, довольно неприглядную штуку, на которой нельзя играть и которая ничего пока не можетъ выразить кромѣ того, что уже выражаетъ,—безалаберность и отсутствіе истинно культурнаго направленія въ трудъ русскаго мужика, его невѣжество. Какая польза въ томъ, что мужикъ самобытно дѣлаетъ плохо то, что другими давно уже дѣлается изумительно хорошо?

За піанино слѣдуетъ велосипедъ. Сразу видно, что это тоже плодъ оригинальнаго творчества русскаго человѣка, сразу видно, что эта вещь сдѣлана „отъ руки“ безъ необходимыхъ инструментовъ, безъ всякой мысли пойти дальше того велосипеда, который послужилъ мастеру образцомъ для его плохой копіи. Цѣна велосипеду—100 р., тогда какъ Блокъ продастъ за 85 машины и болѣе легкія, и болѣе изящныя. Затѣмъ, кое-гдѣ висятъ русскіе ковры съ азіатскимъ рисункомъ—подражаніе дешевымъ и плохимъ текинскимъ и киргизскимъ крашенымъ верблюжьимъ войлокамъ. Лапти, рогожи, чашки и ложки это ужъ наше... По инициативѣ семеновскаго исправника въ отдѣлъ доставлена изба семеновскаго кустаря съ постепеннымъ, очень нагляднымъ воспроизведеніемъ ложкарнаго промысла,—эта изба поступить

останется какъ показатель русской оригинальности—на этотъ разъ уже дѣйствительной. Отдѣлъ нижегородской губерніи декорированъ,—надо отдать честь умѣнью его устроителей,—и красиво, и умно, всѣ вещи бросаются въ глаза, сразу возбуждаютъ ваше вниманіе, все на виду и все довольно картинно. Собрано земствомъ до 50 производствъ и это имѣетъ пчень важное значеніе какъ для него самого, впервые еще знакомящагося на практикѣ съ кустарной дѣятельностью своей губерніи, такъ и для всѣхъ изучающихъ ея быть. Экономическое значеніе кустарныхъ промысловъ губерніи заслуживаетъ, конечно, болѣе пристальнаго и серьезнаго изученія, но и теперь, при бѣгломъ взглядѣ на отдѣлъ нельзя не согласиться съ людьми, которые говорятъ, что это значеніе не будетъ развиваться, если кустарю не облегчатъ его работы путемъ устройства кредита, ремесленныхъ школъ и ознакомленія съ образцами производствъ изъ тѣхъ матеріаловъ, которые по существу своему удобны и выгодны для кустарной обработки. Кустарю нужны знанія и знанія, постоянная помощь ему деньгами и совѣтами, пристальное изученіе его нуждъ, необходимо возможно болѣе выгодное, болѣе экономичное направленіе его труда—піанино и велосипеды, и швейныя машины пусть ужъ

останутся пока внѣ сферы приложенія его способностей—если мы не хотимъ никого смѣшить ими.

Московское земство, имѣя къ тому возможность, идетъ дальше нижегородскаго—выставленные имъ предметы кустарнаго труда уже являются по отдѣлкѣ очень высокими и удовлетворяющими даже весьма взыскательному вкусу—но направленіе дѣятельности московскихъ кустарей иное, чѣмъ нижегородскихъ: въ то время какъ Нижній стремится двинуть на рынокъ примитивные предметы домашняго обихода, Москва, въ лицѣ своихъ кустарей—даетъ предметы иного характера. Ея мебель красива и оригинальна, но кресло качалка Конь и Войцѣхова стоитъ 12—18 р.—а за плетеное кресло московскихъ кустарей назначено 20. Дороговизна несомнѣнно затруднить сбытъ. Игрушки тоже весьма тонко сдѣланы и очень изящны—но и дороги. Въ мебели замѣтно стремленіе дать оригинальную вещь, въ игрушкахъ больше подражанія, но во всемъ видно участіе интеллигентной мысли, на всемъ лежитъ отпечатокъ культуры, сразу понятно, что московское земство удѣляетъ кустарямъ вниманія болѣе другихъ земствъ и всячески старается поднять производство, расширяя его и улучшая. Есть вещи сразу останавливающія вниманіе зрителя, таковы ширмы изъ прутьевъ, легкія, изящныя, красиваго рисунка; такова мебель—диванъ и нѣсколько стульевъ со спинками мягкими и плетеными изъ какой-то травы. Вообще у московскихъ кустарей есть что посмотреть, какъ и во всемъ кустарномъ отдѣлѣ. Красива витрина павловской артели г. Штанге—она вся изъ ножей; хороши витрины вятчей со скульптурой. Вятская скульптура!—Аполлонъ и музы навѣрное никогда не подозревали, что искусство эллиновъ расцвѣтетъ черезъ десятки столѣтій на дикомъ сѣверѣ Россіи. А однако съ этой скульптурой—нужно считаться, ибо хотя она отъ искусства и далека, но составляетъ промыселъ не безвыгодный и все развивающійся. Мебель вятчей, благодаря устроенной земствомъ въ бразильскомъ пассажѣ выставкѣ кустарныхъ издѣлій вятской губерніи—пользуется хорошей извѣстностью, и пользовалась-бы еще большей и лучшей, если-бы земство снабжало кустарей рисунками стильныхъ мебели, эти рисунки не дороги и очень разнообразны,—ихъ, кстати сказать, въ обилии даетъ *Ремесленная Газета*.

Кустари иныхъ губерній незамѣтны среди подавляющихъ ихъ вятчей, нижегородцевъ и москвичей. Вообще отдѣлъ производитъ очень хорошее впечатленіе и, конечно, заслуживаетъ не бѣлаго обзора, а серьезнаго детальнаго описанія экспонатовъ и приѣмовъ работы. Только вотъ эти пианино, велосипеды, швейныя машины изъ желѣза и другія вещи, потребовавшія такъ много труда и имѣющія такъ мало смысла—портятъ настроеніе, наводя на грустныя мысли о русскомъ человѣкѣ, который идетъ, упорно идетъ, но все не туда, куда нужно, приходитъ, работаетъ много, но все не то и не такъ, какъ бы нужно.

Развѣ мало этихъ Коркиныхъ, трудящихся годы надъ тѣмъ, что уже сдѣлано давно, и сдѣлано такъ, какъ имъ при всемъ ихъ прилежаніи, но съ голыми руками не сдѣлать, хотя бы они просиживали надъ вещью и по десяти лѣтъ. Однако есть люди, которые способны видѣть въ мученикахъ, подобныхъ Коркину—геніевъ, образцы русской „сметки“. Трудъ такихъ несчастныхъ талантовъ—имъ нельзя отказать въ талантѣ воспріимчивости,—направленный умно, дисциплинированный и освященный знаніемъ, могъ бы, быть можетъ, создать дѣйствительно оригинальную вещь, но пока это даромъ убитый трудъ. Жаль Коркиныхъ и К^о.